

выхъ законахъ изящнаго : тогда только онъ сохраняеть свою цѣну и будущъ усвоены просвѣщеннымъ міромъ.

Изданныя нынѣ *Стихотворенія Г. Ходзьки* содержатъ въ себѣ 36 *Новогреческихъ пѣсень*, разныя мыслія пьесы и *Дерара*, Кассиду въ двухъ часпяхъ.

Кассида сія заключаетъ въ себѣ множество высокыхъ и прекрасныхъ изображеній, въ коихъ рѣзко отражается духъ Восточной Поэзіи. Но Авшоръ, желая вѣрнѣе передать намъ характеръ пѣвцовъ Востока, иногда удаляется отъ вѣрнаго вкуса и употребляетъ сравненія преувеличенныя : таково въ *пѣсни соуха* (спр. 149) сравненіе волкана — съ шрубкою, гряды облаковъ, — съ чубукомъ, и солнца — съ яшаремъ. Сѣпованія Зарифа и четверостишіе (съ Турецкаго) имѣли бы свое достоинство въ какомъ нибудь особеномъ сочиненіи о духѣ Восточной Поэзіи, а не въ поэтическомъ подражаніи *Кассидаль*, которое безъ сомнѣнія не должно измѣнять изящному. Нельзя не пожалеть, что Авшоръ, обладая талантомъ и знаніемъ Востока, не подарилъ насъ очищенными красотою Персидской и Арабской Поэзіи, безъ примѣси той уродливости воображенія, коюю отличаетъ Джами (спр. 188 пр. 12)

Мыслія стихотворенія Ходзьки, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, носятъ на себѣ отпечатокъ палача и могутъ доставить удовольствіе просвѣщеннымъ любителямъ Поэзіи. Сожалѣемъ, что предѣлы пространства сей не позволяютъ намъ разпространиться болѣе о ихъ достоинствахъ и пѣмъ лишаютъ насъ удовольствія указать на множество испинныхъ красотъ, заключающихся въ семъ *Собраніи*.

Гдѣ.

С М Ъ С Ъ.

Французіе Журналы извѣщаютъ насъ о скоромъ появленіи *Записокъ Самсона, Парижскаго палача*. Эпого должно было ожидать. Вошь до чего довела насъ жажда новизны и сильныхъ впечатлѣній.

Послѣ соблазнительныхъ *Исповѣдей* Философин XVIII вѣка, явились полиписческія, неменѣе соблазнительныя откровенія. Мы не довольствовались видѣть людей извѣстныхъ въ колпакъ и въ шафрокъ, мы захопѣли послѣдовать за ними въ ихъ спальню и далѣе. Когда намъ и эпо надоело, явилась толпа людей темныхъ, съ позорными своими сказаніями. Но мы не остановились на безстыдныхъ запискахъ Генриетты Вильсонъ, Казановы и Современницы. Мы кинулись на плутовскія признанія полицейскаго шпиона и на поясненія оныхъ клеветанаго капоржника. Журналы наполнились выписками изъ Видока. Поэтъ Гюго не постыдился въ немъ искать вдохновеній для романа, исполненнаго огня и гряди. Недоставало палача въ числѣ новѣйшихъ липе-

рапортовъ. Наконецъ и онъ явился, и къ стыду нашему скажемъ, что успѣхъ его *Записокъ* кажется несомнительнымъ.

Не завидуемъ людямъ, которые, основавъ свои расчеты на безнравственности нашего любопытства, посвящали свое перо повторенію сказаній, вѣроятно, безграмотнаго Самсона. Но признаемся же и мы, живущіе въ вѣкѣ признаній : съ неперпѣливостію, хопя и съ отвращеніемъ, ожидаемъ мы *Записокъ Парижскаго палача*. Посмотримъ, что есть общаго между имъ и людьми живыми? На какомъ звѣриномъ ревѣ объяснитъ онъ свои мысли? Что скажетъ намъ сіе твореніе, внушившее Графу Мейстру столь поэтическую, столь страшную спрашну? Что скажетъ намъ сей человекъ, въ печеніе сорока лѣтъ кровавой жизни своей присуществовавшій при послѣднихъ содроганіяхъ столькихъ жертвъ и славныхъ и неизвѣстныхъ, и священныхъ и нечестивыхъ? Въсь, въсь они — его мнущы знакомцы — чредою пройдутъ передъ нами по гильотинѣ, на кошорой отъ, свирѣпый фигляръ, играетъ свою однообразную роль. Мученики, злодѣи, герои — и Царственный спрададецъ, и убійца его, и Шарлотта Кордѣ, и прелестница Дю-Барри, и безумецъ Лувель, и мятежникъ Бершонъ, и лекаръ Кашень, отправлявшій своихъ ближнихъ, и Папавуанъ, рзавшій дышій : мы ихъ увидимъ опять въ послѣднюю, спрашную минуту. Головы, одна за другою, западаютъ передъ нами, произнося каждая свое послѣднее слово... И насытивъ жестокое наше любопытство, книга палача займетъ свое мѣсто въ библіотекахъ, въ ожиданіи ученыхъ справокъ будущаго Историка.

Недавно отпечатаны въ Литографіи Г. Гельбаха, одной ихъ лучшихъ, существующихъ въ Петербургѣ, при рисунка, сдѣланные съ картинъ Кипренскаго, подъ смонрѣнемъ Г. *Сандолмури*, давно извѣстнаго публикѣ по прекраснымъ произведеніямъ своимъ на камнѣ, его учениками: Жипневимъ и Безлюднымъ.

Два изъ сихъ рисунковъ, изображающіе *Цыганку* и *блудную двоголку*, охотники до изящнаго необходимо должны, кажется, купить вмѣстѣ, для того, чтобы сравнивая ихъ между собою, съ большимъ удовольствіемъ чувствовашъ прелесть кисти Кипренскаго и удобіе понять, съ какимъ искусствомъ и гениемъ умѣлъ сей художникъ выразить два, совершенно противоположные характера.

Что не скажетъ, взглянувъ на эту голову съ густыми, черными и небрежно разсыпанными локонами, со смуглымъ лицемъ, съ пламенными и лукавыми глазами, съ полуоткрытымъ ртомъ, выражающимъ необузданный смѣхъ, что эпо живое изображеніе чувственности и